

**Женская повседневность в оккупации:
сексуальное насилие в документах и советской пропаганде***

Ксения Сак

Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия

**Women's Daily Life in the Occupation:
Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda**

Ksenia Sak

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The problem of sexual violence in the occupied Soviet territories during the Great Patriotic War is an under-researched and taboo subject in the Russian public sphere. It is viewed either from the perspective of collaboration in prostitution and cohabitation, or from the perspective of gender discrimination and sexual violence. At the same time, it is extremely difficult to differentiate these features of women's everyday life under the conditions of the "war of annihilation". Based on the documents of the Extraordinary State Commission for the Investigation of the Atrocities of the German Fascist Invaders, partisan reports, and other documents, as well as articles from the wartime periodical press, the author compares images of sexual violence with the practices of women's everyday life under occupation. In the propaganda of the warring countries, the image of the abused female body was actively used to incite hatred of the enemy. Rape and the forcing of women under occupation to work in brothels were presented in this light. A comparison of propaganda images and specific facts of violence presented in official and ego-documents shows the existence of discrepancies between images and practices. While rape was fairly accurately portrayed in official texts, the problem of prostitution was less accurately reflected in reality. Individual women used their bodies as a means of survival and received various material benefits

* *Citation:* Sak, K. (2024). Women's Daily Life in the Occupation: Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 601–616. DOI 10.15826/qr.2024.2.898.

Цитирование: Сак К. Women's Daily Life in the Occupation: Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 601–616. DOI 10.15826/qr.2024.2.898 / Сак К. Женская повседневность в оккупации: сексуальное насилие в документах и советской пропаганде // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 601–616. DOI 10.15826/qr.2024.2.898.

in return. The population did not perceive legal prostitution in the categories of propaganda and interpreted it as a betrayal. Although some decrees were passed during the war in both Germany and the USSR that treated violence against women as a crime, women were not recognised as victims in the Soviet public trials or at the Nuremberg Tribunal and did not receive compensation. During the transition to peace, the problem of sexual violence lost its pragmatic propaganda function and was excluded from the collective memory. Nevertheless, the increase in violence against women during the Second World War led to the adoption of the Geneva Convention for the Protection of Victims of War in 1949, which was ratified by the Soviet Union in 1954.

Keywords: Great Patriotic War, women's everyday life, occupation, rape, prostitution

Проблема сексуального насилия на оккупированных советских территориях в период Великой Отечественной войны – малоизученная и табуированная в российском публичном пространстве тема. Ее рассматривают с точки зрения либо коллаборационизма, либо гендерной дискриминации и сексуального насилия. При этом до конца дифференцировать эти черты женской повседневности в условиях войны на уничтожение крайне непросто. На основе документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, партизанских донесений и других архивных источников, а также статей из периодической печати военного периода в работе сопоставляется описание сексуального насилия с практиками женской повседневности в оккупации. В пропаганде воюющих стран активно использовался образ поруганного женского тела для разжигания ненависти к врагу, что включало в себя изнасилования и принудительную проституцию. Сопоставление образов пропаганды и конкретных фактов свидетельствует об определенном расхождении между образами и практиками женской повседневности. Если изнасилования представлены в официальных текстах достаточно точно, то проблема проституции в меньшей степени отражала действительность: некоторые женщины вынужденно использовали свои возможности как ресурс выживания, получая за это ряд материальных преимуществ. Население же трактовало легальную проституцию как предательство. Хотя в период войны и в Германии, и в СССР вышли отдельные указы, в которых насилие являлось преступлением, на советских открытых судебных процессах и в Нюрнбергском трибунале женщины не были официально признаны жертвами и не получили компенсации. При переходе к мирной жизни проблема сексуального насилия утратила свои прагматичные функции для пропаганды и оказалась исключенной из коллективной памяти. Тем не менее, всплеск насилия над женщинами в период Второй мировой войны подтолкнул к принятию в 1949 г. Женевской конвенции о защите жертв войны, ратифицированной Советским Союзом в 1954 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, женская повседневность, оккупация, насилие, проституция

Военные конфликты традиционно сопровождают такие проявления половой и гендерной дискриминации, как изнасилование и принуждение к проституции. Не была исключением и Великая Отечественная война. Женщины, представлявшие большую часть взрослого населения на захваченных противником советских территориях, нередко становились жертвами подобных преступлений. Советская пропаганда во время войны активно использовала вербальные и визуальные образы насилия, чтобы вызвать определенную эмоциональную реакцию у населения. После Победы, напротив, трагическая сторона женской повседневности не вписывалась в представления общества о морали. Она приобрела иной, постыдный оттенок, дискредитировавший самих жертв. В официальной политике памяти опыт выживания женщин в экстремальных условиях оккупации отходил на второй план и в конце концов был предан коллективному забвению.

В процессе актуализации трагической проблематики в изучении Второй мировой войны оказалась востребованной история женской повседневности. Тему насилия на Восточном фронте впервые исследовали именно европейские ученые на основе немецких документов. Особенно отчетливо это проявилось в 2000-х гг. после переиздания в Германии воспоминаний изнасилованной советскими солдатами немки и съемок на эту тему художественных фильмов [Дубина, с. 44].

Основные вопросы, которые поставлены в сегодняшней историографии, связаны с характером насилия: было ли оно частью политики гитлеровской Германии или совершалось спонтанно и бесконтрольно, насколько идеология национал-социализма влияла на это преступление [Beck; Mühlhäuser]. В современной российской историографии вопрос этот рассматривается в контексте коллаборационизма и «войны на уничтожение» [Ковалев; Дюков], а также в рамках изучения женской военной повседневности [Реброва; Сак].

Наиболее полный комплекс документов, отражающих положение мирного населения в оккупации, отложился в архиве Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на оккупированных территориях (далее – ЧГК). Эта комиссия, начавшая работу 2 ноября 1942 г., решала две основные задачи: подсчет материального ущерба и сбор материалов для его использования в пропагандистских целях. Также в архив ЧГК вошли документы, переданные другими советскими организациями, такими как Главное политическое управление РККА, НКВД, Центральный штаб партизанского движения и т. п.

Составители актов выделяли три категории мирных жителей, пострадавших от немецкой оккупации, и записывали их в отдельные графы: убитые, подвергшиеся истязаниям и пыткам, угнанные на принудительные работы в Германию. Жертвы сексуального насилия могли оказаться в любой из этих категорий. Кроме того, поскольку это «позорило честь», далеко не все пострадавшие девушки и женщины, а также их родственники шли рассказывать представителям официальных

органов о пережитом. Указаний «сверху» о систематическом сборе сведений о половых преступлениях против женщин не было, поэтому в документах фонда подобные свидетельства не систематизированы и разбросаны по многочисленным делам комиссии, что затрудняет их выявление.

Вместе с тем в архиве ЧГК практически нет свидетельств гражданок, работавших в нацистских домах терпимости. Большинство шокирующих фактов сексуального рабства, представленных в обобщающих актах, не подкреплены личными свидетельствами очевидцев или женщин, вовлеченных в проституцию. В результате в документах комиссии представлен эклектичный образ «бордель-хауса»: это и легализованные оккупационными властями публичные дома, и досуговые учреждения, располагавшиеся в зданиях бывших советских клубов, и даже тюрьмы. Этот пробел отчасти компенсируют партизанские донесения о положении населения в оккупации и документы НКВД. Задача статьи – определить официальную позицию советского руководства по отношению к сексуальному насилию в оккупации в военный период и сопоставить ее со сведениями о преступлениях захватчиков против мирного населения, представленными в документах советских учреждений.

Сексуальное насилие как военное преступление

Положение мирного населения во время военных конфликтов стало предметом регулирования в сфере международных отношений только в начале XX в. 18 октября 1907 г. вступила в силу Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны. Ее приложения запрещали убийства и увечья населения, в них говорилось об обязательном уважении к чести, семейным правам, религиозным убеждениям и т. д. Проверкой этих положений стала Первая мировая война, во время которой на официальном уровне заговорили о преступлениях армии Германии и ее союзников против мирного населения, в частности, про массовые изнасилования [Ульянов, с. 76]. Один из пунктов Версальского мирного договора 1919 г. содержал положение о том, что поверженные агрессоры должны компенсировать гражданским лицам убытки, связанные с жестокостью, насилием или «дурным обращением».

13 мая 1941 г. еще до нападения на СССР начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии В. Кейтель подписал указ о военной подсудности в районе «Барбаросса». В соответствии со вторым пунктом указа преследованию и судебному разбирательству должны были подвергаться те, кто совершал тяжелые проступки, связанные «с половой распущенностью, с проявлением преступных наклонностей», или проступки, приводившие к моральному разложению войск [Нюрнбергский процесс, т. 5, с. 288–290]. С этого времени насилие по отношению к женщинам было официально запрещено. При этом указ не касался легализации проституции на оккупаци-

рованных территориях, поскольку в самой Германии публичные дома были законодательно разрешены еще с середины 1930-х гг.

В СССР указ «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников» вышел 19 апреля 1943 г. Расследование преступлений против мирных граждан переходило в ведение военно-полевых судов. Попавшие в плен виновные в преступлениях немецкие, итальянские, румынские, венгерские и финские военнослужащие приговаривались к смертной казни, а коллаборанты – к 15–20 годам каторжных работ [О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев]. Так, в архиве ЧГК отложились материалы судебного разбирательства в расположении деревни Дворище от 25 августа 1943 г. над ефрейтором немецкой пехотной дивизии 34-летним Фарбером Гансом. Подсудимого обвиняли в поджогах деревень, расстрелах мирных жителей и многочисленных изнасилованиях. Из протокола допроса известно, что он с апреля 1942 г. по июль 1943 г. изнасиловал 15 девушек и женщин в возрасте от 13 до 30 лет. Некоторые из этих преступлений он совершил еще с пятью немецкими солдатами. Одна жертва, по словам Фарбера, заболела и сошла с ума, еще одна заболела и умерла. На вопрос суда, совершал ли подсудимый изнасилования по указу офицеров, он ответил: «Нет, этим я занимался, а также и другие солдаты, без каких-либо разрешений со стороны офицеров» [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 17. Л. 148–149].

Проблема сексуального насилия поднималась на советских открытых судебных процессах над нацистскими преступниками и их пособниками. В этом преступлении в Смоленске 15–20 декабря 1945 г. обвинялись несколько подсудимых. Солдат Йозеф Райшман затравил собакой и изнасиловал 14-летнюю девочку. Ефрейтор Гейнц Винклер изнасиловал двух девушек. Ефрейтор Эрих Мюллер «убил 96 человек, изнасиловал 32 советских женщины, причем 6 из них после изнасилования убил» [Обвинительное заключение по делу о зверствах]. Все эти преступления нашли отражение в обвинительном заключении прокуратуры СССР, а показания Мюллера вошли в документальный фильм «Судебный процесс в Смоленске», снятый по горячим следам. Вместе с тем на открытых процессах не были осуждены принуждение к занятию проституцией и сексуальное рабство. Так, на севастопольском процессе в ноябре 1947 г. перед судом предстал бывший комендант Таганрога и Новороссийска Г. Альберти, при котором в этих городах были открыты публичные дома. Однако в обвинительном заключении эти факты не упоминались [Обвинительное заключение прокуратуры Черноморского флота].

Еще в ходе войны советское руководство на уровне ЦК обсуждало возможность денежного взыскания за жизни мирных граждан, за потерю «трудового ресурса». Параллельно в ЧГК возникла мысль о компенсации морального ущерба за изнасилования. Неизвестный

автор одной записки, сохранившейся в фонде комиссии, сделал предположение, что солдатами и офицерами вермахта насилию подвергнутся 25 тыс. девушек и 40 тыс. замужних женщин и вдов. За девушек он предлагал взыскивать по 5 тыс. руб. золотом, а за остальных – по 3 тыс. руб. золотом. Итого получалось, что побежденная Германия только по факту изнасилований должна была выплатить колоссальную сумму в 245 млн руб. золотом [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 116. Д. 324. Л. 21]. Однако было решено счета за людские потери противнику не предъявлять. Что касается возмещения ущерба женщинам за поруганную честь, то советское руководство сочло требование уплаты за это неуместным, поскольку честь советской женщины не измеряется деньгами.

Во время подготовки Нюрнбергского трибунала 20 декабря 1945 г. был принят Закон № 10 о наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности. Его ст. 2 включала «изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения» [Нюрнбергский процесс, т. 1, с. 160]. На Международном трибунале в Нюрнберге сторона обвинения, в частности, французские и советские обвинители, озвучивала факты изнасилования женщин в оккупации. Однако они не квалифицировали сексуальное насилие как особое военное преступление. Этот вид преступлений был закреплен лишь в 1949 г. в Женевской конвенции о защите жертв войны, которую Советский Союз ратифицировал в 1954 г. Ее ст. 27, таким образом, охраняет женщин в военное время от преступлений в результате изнасилований, принуждения к проституции и т. п.

Сексуальное насилие в освещении советской пропаганды

Образы насилия были важной частью советской пропаганды военного периода. Это вызывало наиболее эмоционально насыщенную реакцию против врага и позволяло проводить четкую границу между «своими» и «чужими». Первые упоминания в прессе о сексуальном насилии освещали проблему принуждения к проституции в нацистских публичных домах «остарбайтеров». В конце июня 1941 г. в газете «Известия» вышла статья «“Новый порядок” фашистских мародеров». Из ее текста следовало, что в Германии советские мирные жители «вымирают от истощения или пристреливаются фашистскими палачами», а девушек и женщин насилуют в борделях [«Новый порядок»]. 4 сентября 1941 г. в газете «Правда» появилось сообщение Совинформбюро «Фашистско-немецкие мерзавцы». «Фашистские изверги насилуют и стоняют в публичные солдатские дома наших матерей, сестер и жен», – говорилось в нем среди прочего [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 490. Л. 5–7]. С тех пор в сообщениях Совинформбюро регулярно присутствовали указания на сексуальное насилие над женщинами на оккупированных территориях, которые включали в себя и сексуальное рабство.

В сентябре 1941 г. в Колонном зале Дома Союзов прошел митинг Антифашистского комитета советских женщин, на котором его активистки обличили оккупантов в их преступлениях. Участницы митинга приняли «Обращение к женщинам всего мира», которое спустя несколько дней появилось в «Правде» под заголовком «Нет большего врага у женщин, чем Гитлер». Они обвиняли фашистов в том, что те «обесчестили сотни тысяч женщин и девушек», «заразили их дурными болезнями», загнали их в публичные дома, отняли у женщин мужей и братьев, а у детей – последний кусок хлеба. Секретарь ВЦСПС Клавдия Николаева заявила, что «только в одном из городов Белоруссии более 300 девушек были загнаны в публичные дома, где фашистские бандиты – офицеры и солдаты – насилюют и убивают их» [К женщинам всего мира!, с. 32].

С конца 1941 г. фокус пропаганды сместился с преступлений против женщин всего мира в сторону преступлений против советского национального достоинства и культуры. Подтверждением этих преступлений служили примеры, когда оккупационные власти открывали запрещенные в Советском Союзе публичные дома в образовательных и досуговых учреждениях. Эта идея активно транслировалась и за рубеж. 21 декабря 1941 г. в «Правде» вышла статья о разорении «русского национального музея» Ясной Поляны: «Фашистские погромы сопровождаются всюду массовым изнасилованием советских женщин, потому что понятия женской чести и человеческого достоинства так же чужды и враждебны Гитлеру и его банде, как чужды и враждебны понятия культуры» [Проклятие и месть фашистским варварам!]. Несколькими днями позже в передовице «Известий» вышло сообщение о разгроме исторических памятников, изнасилованиях женщин и детей, превращении школ в бордели и издевательствах над национальными чувствами [Смерть немецким оккупантам!]. О случаях изнасилований регулярно с натуралистичными подробностями писали и в местных газетах.

Тела погибших в результате насилия женщин демонстрировали кадры кинохроники. Доказательства преступлений вермахта, заснятые в 1943 г. после освобождения Ржева, были настолько чудовищными, что эту пленку показывали на Нюрнбергском военном трибунале. На экране один за другим появлялись крупным планом трупы замученных людей, среди которых была изнасилованная 18-летняя девушка [Фрагмент кинохроники].

Изнасилование в оккупации, в отличие от вовлечения в проституцию, стало сюжетом литературных произведений и кинофильмов. В годовщину начала войны отдельным изданием вышел рассказ М. А. Шолохова «Наука ненависти» (1942), где от имени главного героя повествуется об эпизодах первых дней войны:

Особенно одна осталась у меня в памяти, ей было лет одиннадцать, она, как видно, шла в школу; немцы поймали ее, затащили на огород, изна-

силовали и убили. Она лежала в помятой картофельной ботве, маленькая девочка, почти ребенок, а кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники [Шолохов, с. 11].

Затем вышла повесть польской писательницы В. Василевской «Радуга» о подвиге и страданиях советских женщин и детей на оккупированной территории. Одна из ее героинь стала жертвой группового изнасилования «фрицев», в результате которого забеременела. Тема насилия над советскими женщинами будет также обозначена в фильмах корифеев советского кинематографа Ф. Эрмлера («Она защищает Родину», 1943) и М. Ромма («Нашествие», 1944).

Тексты периода Великой Отечественной войны акцентировали внимание на массовом характере сексуальных преступлений против мирных граждан как части общей политики Германии и «нового порядка» на оккупированных советских территориях. Факты преступлений против женщин подавались в том виде, которого требовали военное время, законы жанра и установки «сверху». Особенно это касалось столь неоднозначного явления социальной жизни, как легальная проституция.

Публичные дома в оккупации

Майор Красной армии Д. В. Жигунов записал во фронтовом дневнике в 1943 г. о тех, кто в принципе вступал в половые отношения с немцами:

Можно ли обвинять наших женщин и девушек в том, что они жили и живут с немцами не насильно, а добровольно? Не знаю, сейчас я не берусь сказать ни да, ни нет. А в 1941–1942 г. с декабря по июнь месяц и сказал бы: да, виноваты и подлежат расстрелу. Так и было, когда я со своим батальоном громил и гнал немцев на запад от Тихвина, были тоже такие случаи, их расстреливали без жалости, как и немецкую сволочь, а теперь почему-то я не решаюсь взять на себя решение этого вопроса, в чем дело? [Жигунов].

В условиях оккупации женщины были вынуждены как-то взаимодействовать с захватчиками. Одной из возможных стратегий выживания было использование своего тела как ресурса. Крайней формой такой стратегии стала легальная проституция.

«Бордель-хаусы» чаще открывались в городах. В некоторых из них сохранялись значные места, в которых до революции располагались притоны. Например, нацистские бордели были открыты именно в таких кварталах Ростова-на-Дону, Смоленска, в портовых городах Таганроге, Одессе и Новороссийске. В конце мая 1942 г. в газете «Красная звезда» была опубликована статья «В Курске». После слов о том, что гитлеровцы имеют планы по «ликвидации веками создававшейся нашим народом национальной культуры», автор сообщал:

На Семеновской улице на одном из домов красуется вывеска «Дом свиданий для немецких солдат». Открыт публичный дом и в гостинице, которая до революции называлась «Полторацкие номера» и была известна как притон [Без срока давности, с. 258].

В разведывательной сводке 4-го управления НКВД СССР по Смоленску говорилось, что в городе до 1800 девушек и женщин, или 50–60 %, легально и нелегально «занимаются этим позорным ремеслом» [Разведывательная сводка № 8]. Этот неприглядный факт советское руководство не афишировало. В официальной ноте от 6 января 1942 г. В. М. Молотов утверждал:

В городе Смоленске германское командование открыло для офицеров в одной из гостиниц публичный дом, в который загонялись сотни девушек и женщин; их тащили за руки, за волосы, безжалостно волокли по мостовой [О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах].

Известные на сегодняшний день документы, отражающие проблему легализации проституции в оккупации, не дают ясного представления о том, почему некоторые советские женщины шли работать в «бордель-хаусы». Первый очевидный ответ – необходимость кормить себя, детей, престарелых родителей. Голод был неотъемлемой составляющей жизни в оккупации, а получение пропитания – базовой задачей, связанной с выживанием. По распределению с биржи труда большинство женщин получало направление на тяжелые восстановительные работы, которые не всем были по силам. За работу они получали паек, которого едва хватало на то, чтобы утолить голод. Как говорилось в бюллетене УНКВД по Курской области за март 1942 г., «многие женщины на почве голода сожительствуют с немцами» [Бюллетень № 7]. Такая же ситуация сложилась в пригороде Ленинграда. «Немцы растлили массу молодежи – женщин и девушек, доведенных до отчаяния голодом и террором, покупают за кусок хлеба», – рассказывал попавший к партизанам советский военнопленный [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Л. 983. Л. 4 об.]. В более финансово выгодном положении оказывались те женщины, которые были заняты в сфере обслуживания (работали в администрации, госпиталях, столовых, кафе и т. д.). Однако у такой занятости была обратная сторона – нередко сотрудницы оккупационных учреждений по различным причинам вступали с захватчиками в близкие отношения.

Работа в «бордель-хаусах» хорошо оплачивалась. Совокупный доход «барышень», как их называли в документах, мог составлять несколько тысяч рублей в месяц [ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24. Л. 17]. Администрация заведений обеспечивала женщин питанием. По словам работницы борделя в Сталино, она получала «хлеба 600 гр., масло 40 гр., колбаса 200 гр., 2 палочки конфет, кофе, борщ, консервы мясные, сигарет, еже-

дневная норма» [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 4]. Также посетители делали подарки – шоколад, мыло, чулки – и оставляли чаевые.

В публичных домах существовала обязательная практика ежедневных медицинских проверок. С одной стороны, принудительные проверки – это проявление насилия. С другой, это же являлось профилактикой заболеваний. Однако неоднократная смена клиентов все-таки приводила к инфицированию персонала. В советских документах встречаются как факты уничтожения венерических больных по распоряжению оккупационных властей [Титаренко, с. 432], так и получения сотрудниками борделей квалифицированной медицинской помощи [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 3–4].

В документах сохранились свидетельства о том, что женщины шли в бордели и по собственной воле. Начальник технического отдела Городской управы Курска А. Г. Кепов вспоминал:

С огорчением надо отметить недостойное поведение многих отдельных женщин, добровольно пошедших по такому тяжелому пути, и, как много раз было проверено тогда, не из-за нужды, а в силу своего характера и расчета [Кепов, с. 42–43].

Такую же картину наблюдали разведчики в оккупированной Калуге, где по объявлению об открытии публичного дома добровольно явились 250 девушек и женщин вместо 80 [Лотарева, Тихонов, с. 29].

Житель Донецка (Сталино) вспоминал в интервью, записанном в более позднее время, что оккупационные власти называли проституток патриотками Германии и обещали им различные привилегии по окончании войны [Опыт нацистской оккупации, с. 234]. В глазах «своих» такая стратегия выживания не оправдывалась ни голодом, ни угрозой жизни. Какая-то часть женщин, вовлеченных в проституцию, отступила вместе с вермахтом, другие остались в городах. Например, одна из бывших проституток в Сталино к моменту освобождения города работала в похоронном бюро [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 72. Д. 1. Л. 13]. В соответствии с указаниями НКВД СССР об оперативно-чекистской работе на освобожденных территориях 1943 г., немедленному аресту подлежали содержатели притонов и домов терпимости, но не женщины, оказывавшие сексуальные услуги в «бордель-хаусах» [Органы государственной безопасности, с. 131]. При этом нельзя исключить, что они «перевоспитывались» в системе ГУЛАГа, как это практиковалось в начале 1930-х гг.

Изнасилования на оккупированных территориях

Изнасилования женщин на оккупированной территории носили массовый характер. Среди преступников женщины упоминали представителей практически всех национальностей вражеской армии. Наиболее часто в связи с насилием фигурируют немцы и румыны, реже – итальянцы, венгры, финны, испанцы, что, возможно, объясняет-

ся составом армии на данной территории. Эти преступления совершали как солдаты, так и офицеры вермахта. В качестве пыток такой способ дознания использовали служащие войск СС. Пользовались своим положением и местные коллаборанты, насилующие женщин. Единого сценария этого преступления не было. Документы свидетельствуют, что насилие могло быть спонтанным, вызванным употреблением алкоголя и выплеском агрессии. Но также оно могло совершаться умышленно, с заманиванием жертв под разным предлогом. Преступник мог быть один, но довольно распространены были и случаи групповых изнасилований, в которых участвовали от двух до 20–25 мужчин.

Жертвами изнасилований становились представительницы слабого пола разного возраста, социального статуса и национальности. В документах возраст жертв варьируется от шести до 68 лет [РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 353. Л. 88]. Часто фиксировался примерный возраст подвергшихся насилию несовершеннолетних, девочек и подростков, так как эти преступления были сопряжены с педофилией. Отдельно составители донесений и те, кто записывал показания свидетелей, отмечали надругательства над женщинами на поздних сроках беременности.

Никакого значения перед угрозой насилия не имело положение женщины в социальной иерархии – ее статус в условиях оккупации и разрушения прежних социальных связей нивелировался. То же относится и к национальности, которая для «трофейной» женщины не имела принципиального значения: насилию могли подвергнуться советские гражданки любой национальности, находившиеся на захваченных территориях [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 96. Д. 102. Л. 50].

Последствия сексуального насилия затрагивали разные сферы жизни жертв. Они нередко приводили к тяжелым увечьям и влияли на репродуктивную функцию [Там же. Оп. 8. Д. 26. Л. 3 об.]. Поскольку в период оккупации отмечался всплеск венерических заболеваний, в результате изнасилований, особенно групповых, происходило заражение такими серьезными инфекциями, как сифилис или гонорея [Там же. Оп. 86. Д. 48. Л. 7]. Влияли эти преступления и на психическое состояние жертв. Как рассказывали их родственники, молодые девушки переживали депрессии, пытались покончить жизнь самоубийством и сходили с ума. Женщины в результате изнасилования могли забеременеть, что в перспективе автоматически переводило их в статус матерей-одиночек («фашистенок»).

Большая часть зафиксированных в документах изнасилований описывались как совершенные с особой жестокостью, доказательством чего служили факты гибели жертв. Такими сведениями изобилуют, например, партизанские разведсводки. Так, в донесении Краснодарского краевого штаба было перечислено несколько эпизодов, в том числе изнасилование двух девушек 16 и 17 лет 25 немцами, в результате чего одна из жертв умерла [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1047. Л. 9]. В другом документе говорилось об обнаружении в винограднике трупов восьми изнасило-

ванных девочек-подростков [РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 2048. Л. 9]. Иногда преступники скрывали следы своего преступления. Военнопленный ефрейтор Карл Войке рассказывал об изнасиловании десятью солдатами его батальона 15-летней девочки, которую в конце избили ногами до потери сознания и бросили в пруд [ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 149. Д. 16. Л. 12].

По утверждению исследователей современных военных конфликтов, избежать сексуального насилия можно только путем строгих запретов и контроля со стороны командования. Этим целям служил и приведенный выше указ Кейтеля от 13 мая 1941 г. Однако, как показано в исследовании Б. Бек, хотя суды над насильниками на Восточном фронте проходили, их количество по сравнению с судами за дезертирство и членовредительство было незначительным. На Восточном фронте судебные дела о преступлениях против мирных граждан возбуждались реже, чем в оккупированных странах Европы. Изнасилованные советские женщины подвергались дискриминации даже во время осуществлявшихся в оккупированных зонах судебных процессов. Внимание при этом прежде всего обращалось не на ущерб, причиненный их здоровью и чести, а на влияние преступления на «репутацию вермахта». Жертв воспринимали в соответствии с национал-социалистической идеологией как представительниц «нецивилизованного» враждебного населения, они не давали присягу, а их показания были второстепенными по сравнению с показаниями немцев. Смягчающими обстоятельствами для вынесения приговора выступали заслуги подсудимого на фронте, отсутствие судимости, а также совершение насилия в нетрезвом виде. В качестве наказания боец мог подвергнуться дисциплинарному взысканию, тюремному заключению от нескольких месяцев до нескольких лет. Однако на большинство фактов насилия командование вермахта закрывало глаза [Beck, S. 179–216].

* * *

Официальная трактовка проблемы легализации проституции на захваченных вермахтом территориях лишь отчасти отражала положение дел. Для тех гражданок, которые оказывались в «бордель-хаусах» добровольно, это было формой коллаборации, так как давало ощутимые материальные выгоды. Однако документы не позволяют в полной мере оценить то, как тяжелые дискриминационные условия «нового порядка» влияли на выбор женщинами асоциальных форм выживания. Существует и более общая проблема: может ли выбор проституции в условиях войны в принципе быть добровольным?

Факты изнасилований, представленные в текстах периода войны, достаточно точно отражали женскую повседневность, документы хранят истории жестоких издевательств и убийств сексуального характера, сведения о которых не стали достоянием широкой общественности.

Если для мужчин доказательством преданности Родине служили их подвиги на фронте, то для женщин – верность своим защитникам, подразумевавшая и целомудрие. Изнасилованные советские гражданки были опозорены, а женщины, вовлеченные в проституцию, и вовсе становились изгоями независимо от мотивов поступка. После открытых судебных процессов и международного Нюрнбергского трибунала эта трагическая сторона войны, очевидная для современников, утратила свою актуальность в публичном пространстве послевоенного общества. В советской официальной политике памяти проблема сексуального насилия над женщинами не была представлена и остается не до конца осмысленной по сей день.

Библиографические ссылки

Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Курская область : сб. док. М. : Фонд «Связь эпох», 2020. 488 с.

Бюллетень № 7 УНКВД по Курской области о положении в оккупированных районах Курской области за период с 1 по 31 марта 1942 г. // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/byulleten-no-7-unkvd-po-kurskoy-oblasti-o-polozhenii-v-rayonakh-kurskoy-oblasti-okkupirovannykh> (дата обращения: 01.04.2023).

ГАРО. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 24.

ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 26; Оп. 86. Д. 48; Оп. 116. Д. 324; Оп. 148. Д. 38; Оп. 149. Д. 17; Оп. 149. Д. 16.

Дубина В. С. Болезненная тема Второй мировой войны: память о сексуальном насилии по обе стороны фронта // Вестн. РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 17 (79). С. 47–56.

Дюков А. Р. За что сражались советские люди. М. : Яуза : Эксмо, 2007. 573 с.

Жигунов Д. В. Дневник // Прожито : [сайт]. URL: <https://prozhito.org/note/439015> (дата обращения: 03.05.2023).

К женщинам всего мира! Выступления на женском антифашистском митинге, состоявшемся в Москве в Колонном зале Дома Союзов 7 сентября 1941 г. М. : Госполитиздат, 1941. 47 с.

Кепов А. Г. Курск в период оккупации 1941–1943 гг. // Курские мемуары. № 2. Курск : [Б. и.], 2002. С. 23–45.

Ковалев Б. Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. 372 с.

Лотарева Д., Тихонов В. Собеседник Рокоссовского // Родина. 2014. № 12. С. 27–30. «Новый порядок» фашистских мародеров // Известия. 1941. № 155. 3 июля.

Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. М. : Юридич. лит., 1987–1999.

О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и их пособников : указ президиума Верховного совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-no-39-omerakh-nakazaniya-dlya-nemecko-fashistskikh-zlodeev?ysclid=lh7huxgsuo426127281> (дата обращения: 03.05.2023).

О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях : нота наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/nota-narkoma-inostrannykh-del-sssr-molotova-6-yanvarya-1942> (дата обращения: 03.05.2023).

Обвинительное заключение по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в г. Смоленске и Смоленской области // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/10-12-1945-obvinitelnoe-zaklyuchenie-po-delu-o-zverstvakh-nemecko-fashistskikh-zakhvatnikov> (дата обращения: 03.05.2023).

Обвинительное заключение прокуратуры Черноморского флота // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/obvinitelnoe-zaklyuchenie-prokuratury-chernomorskogo-flota-po-delu-o-zverstvakh-nemeckikh-okkupantov> (дата обращения: 03.05.2023).

Опыт нацистской оккупации в Донбассе: свидетельствуют очевидцы / авт.-сост. Д. Н. Титаренко, Т. Пентер. Донецк : Світ книги, 2013. 465 с.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сб. док. : в 8 т. М. : Русь, 2003. Т. 3. Крушение «блицкрига». Кн. 1 (1 января – 30 июня 1942 г.). 706 с.

Проклятие и месть фашистским варварам! // Правда. 1941. № 353. 21 декабря.

Разведывательная сводка № 8 4-го управления НКВД СССР // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/razvedyvatelnaya-svodka-no-8-4-go-upravleniya-nkvd-sssr-o-polozhenii-vo-vremenne-okkupirovannykh> (дата обращения: 03.05.2023).

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 490; Ф. 69. Оп. 1. Д. 983, 1047, 2048; Ф. 269. Оп. 1. Д. 353.

Реброва И. В. «Женская» повседневность в проблемном поле истории Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2 (47). С. 25–33.

Сак К. В. Изнасилования на Восточном фронте: расследование, преступники и их жертвы // Трагедия войны : Гуманитарное измерение вооруженных конфликтов XX века. М. : Рос. воен.-ист. о-во : Яуза, 2021. С. 128–143.

Смерть немецким оккупантам! // Известия. 1941. № 304. 25 дек.

Титаренко Д. Н. Судьба инфекционных и венерических больных в период нацистской оккупации (на примере Украины) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2020. С. 418–427.

Фрагмент кинохроники из «Союзкиножурнал № 23» // Victims.rusarchives : [сайт]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/fragment-kinokhroniki-iz-soyuzkinozhurnal-no-23-o-razrusheniyakh-i-zlodeyaniyakh-nemecko-0> (дата обращения: 03.05.2023)

Ульянов П. В. Образ Бельгии как «жертвы» в британской пропаганде периода Первой мировой войны // Изв. Алтай. гос. ун-та. 2019. № 2 (106). С. 75–79. DOI 10.14258/izvasu(2019)2–13.

Шолохов М. А. Наука ненависти. М. : Правда, 1942. 24 с.

Beck B. Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–1945. Paderborn : Schöningh, 2004. 370 S.

Mühlhäuser R. Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutsche Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945. Hamburg : Hamburger Ed., 2010. 416 S.

References

Beck, B. (2004). *Wehrmacht und sexuelle Gewalt: Sexualverbrechen vor deutschen Militärgerichten, 1939–1945*. Paderborn, Schöningh. 370 S.

Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoi territorii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Kurskaya oblast'. Sbornik dokumentov [Without a Statute of Limitations: Crimes of the Nazis and Their Accomplices against the Civilian Population in the Occupied Territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Kursk Region. Collection of Documents]. (2020). Moscow, Fond “Svyaz’ epokh”. 488 p.

Byulleten’ No. 7 UNKVD po Kurskoi oblasti o polozhenii v okkupirovannykh raionakh Kurskoi oblasti za period s 1 po 31 marta 1942 g. [Bulletin No. 7 of the NKVD for Kursk Region on the Situation in the Occupied Areas of Kursk Region for the Period from March 1 to March 31, 1942]. (N. d.). In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru>

rusarchives.ru/byulleten-no-7-unkvd-po-kurskoy-oblasti-o-polozhenii-v-rayonakh-kurskoy-oblasti-okkupirovannykh (accessed: 01.04.2023).

Dubina, V. (2011). Boleznennaya tema Vtoroi mirovoi voyny: pamyat' o seksual'nom nasilii po obe storony fronta [Painful Theme of the Second World War: The Memory of Sexual Violence on Both Sides of the Front]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*. No. 17 (79), pp. 47–56.

Dyukov, A. R. (2007). *Za chto srazhalis' sovetskie lyudi* [What Did the Soviet People Fight for?]. Moscow, Yauza, Eksmo. 573 p.

Fragment kinokhroniki iz “Soyuzkinozhurnal No. 23” [Fragment of Newsreel from “Soyuzkinozhurnal No. 23”]. In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/fragment-kinokhroniki-iz-soyuzkinozhurnal-no-23-o-razrusheniya-kh-i-zlodeyanykh-nemecko-0> (data obrashcheniya: 03.05.2023)

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock R-7021. List 8. Dos. 26; List 86. Dos. 48; List 116. Dos. 324; List 148. Dos. 38; List 149. Dos. 17; List 149. Dos. 16.

GARO [State Archive of Rostov Region]. Stock R-3613. List 1. Dos. 24.

K zhenshchinam vsego mira! Vystupleniya na zhenskom antifashistskom mitinge, sostoyavshemsya v Moskve v Kolonnom zale Doma Soyuzov 7 sentyabrya 1941 g. [To Women All over the World! Speeches at the Women's Anti-Fascist Rally Held in Moscow in the Pillar Hall of the House of the Unions on September 7, 1941]. (1941). Moscow, Gospolitizdat. 47 p.

Kepov, A. G. (2002). Kursk v period okkupatsii 1941–1943 gg. [Kursk during the Occupation of 1941–1943.]. In *Kurskie memuary*. No. 2. Kursk, S. n., pp. 23–45.

Kovalev, B. N. (2009). *Kollaboratsionizm v Rossii v 1941–1945 gg.: tipy i formy* [Collaborationism in Russia in 1941–1945: Types and Forms]. Velikii Novgorod, Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo. 372 p.

Lotareva, D., Tikhonov, V. (2014). Sobesednik Rokossovskogo [An Interlocutor of Rokossovsky's]. In *Rodina*. No. 12, pp. 27–30.

Mühlhäuser, R. (2010). *Eroberungen. Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutsche Soldaten in der Sowjetunion, 1941–1945*. Hamburg, Hamburger Ed. 416 S.

“Novyi poryadok” fashistskikh maroderov [“New Order” of Fascist Marauders]. (1941). In *Izvestiya*. No. 155. July 3.

Nyurnbergskii protsess. Sbornik materialov v 8 t. [Nuremberg Trials. Collection of Materials. 8 Vols.]. (1987–1999). Moscow, Yuridicheskaya literatura.

O merakh nakazaniya dlya nemetsko-fashistskikh zlodeev, vinovnykh v ubiystvakh i istyazaniyakh sovetskogo grazhdanskogo naseleniya i plennykh krasnoarmeytsev, dlya shpionov, izmennikov Rodiny iz chisla sovetskikh grazhdan i ikh posobnikov. Ukaz prezidiuma Verkhovnogo soveta SSSR № 39 ot 19 aprelya 1943 g. [On Punishment Measures for Nazi Villains Guilty of the Murder and Torture of the Soviet Civilian Population and Captured Red Army Soldiers, for Spies, Traitors to the Motherland from among Soviet Citizens and Their Accomplices. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR No. 39 of April 19, 1943]. (N. d.). In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/ukaz-prezidiuma-verkhovnogo-soveta-sssr-no-39-o-merakh-nakazaniya-dlya-nemecko-fashistskikh-zlodeev?ysclid=1h7huxgsuo426127281> (accessed: 03.05.2023).

O povsemestnykh grabezhakh, razorenii naseleniya i chudovishchnykh zverstvakh germanskikh vlastei na zakhvachennykh imi sovetskikh territoriyakh. Nota narkoma inostrannykh del SSSR V. M. Molotova [On Widespread Robberies, Devastation of the Population, and Monstrous Atrocities of the German Authorities in the Soviet Territories They Captured. Note from the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR V. M. Molotov]. (N. d.). In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/nota-narkomanostrannykh-del-sssr-molotova-6-yanvarya-1942> (accessed: 03.05.2023).

Obvinitel'noe zaklyuchenie po delu o zverstvakh nemetsko-fashistskikh zakhvatchikov v g. Smolenske i Smolenskoi oblasti [Indictment in the Case of the Atrocities of the Nazi Invaders in the City of Smolensk and Smolensk Region]. (N. d.). In *Victims.rusarchives*

[website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/10-12-1945-obvinitelnoe-zaklyuchenie-po-delu-o-zverstvakh-nemecko-fashistskikh-zakhvatchikov> (accessed: 03.05.2023).

Obvinitel'noe zaklyuchenie prokuratury Chernomorskogo flota [Indictment from the Black Sea Fleet Prosecutor's Office]. (N. d.). In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/obvinitelnoe-zaklyuchenie-prokuratury-chernomorskogo-flota-po-delu-o-zverstvakh-nemeckikh-okkupantov> (accessed: 03.05.2023).

Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov v 8 t. [State Security Bodies of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents]. (2003). Moscow, Rus'. Vol. 3. Krushenie "blitskriga". Book 1 (1 yanvarya–30 iyunya 1942 g.). 706 p.

Proklyatie i mest' fashistskim varvaram! [Curse and Revenge on the Fascist Barbarians!]. (1941). In *Pravda*. No. 353. Dec. 21.

Razvedyvatel'naya svodka № 8 4-go upravleniya NKVD SSSR [Intelligence Report No. 8 of the 4th Directorate of the NKVD of the USSR]. In *Victims.rusarchives* [website]. URL: <http://victims.rusarchives.ru/razvedyvatelnaya-svodka-no-8-4-go-upravleniya-nkvd-sssr-o-polozhenii-vo-vremenno-okkupirovannykh> (accessed: 03.05.2023).

Rebrova, I. V. (2008). "Zhenskaya" povsednevnost' v problemnom pole istorii Velikoi Otechestvennoi voyny ["Women's" Everyday Life in the Problem Field of the History of the Great Patriotic War]. In *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. No. 2 (47), pp. 25–33.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 17. List 11. Dos. 490; Stock 69. List 1. Dos. 983, 1047, 2048; Stock 269. List 1. Dos. 353.

Sak, K. V. (2021). Iznasilovaniya na Vostochnom fronte: rassledovanie, prestupniki i ikh zherty [Rape on the Eastern Front: Investigation, Perpetrators, and Their Victims]. In *Tragediya voyny. Gumanitarnoe izmerenie vooruzhennykh konfliktov XX veka*. Moscow, Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, Yauza, pp. 128–143.

Sholokhov, M. A. (1942). *Nauka nenavisti* [Science of Hate]. Moscow, Pravda. 24 p.

Smert' nemetskim okkupantam! [Death to the German Occupiers!]. (1941). In *Izvestiya*. No. 304. December 25.

Titarenko, D. N. (2020). Sud'ba infektsionnykh i venericheskikh bol'nykh v period natsistskoi okkupatsii (na primere Ukrainy) [The Fate of Infectious and Venereal Patients during the Nazi Occupation (with Reference to Ukraine)]. In *Velikaya Otechestvennaya voyna v istorii i pamyati narodov yuga Rossii: sobytiya, uchastniki, simvol*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Yuzhnogo nauchnogo tsentra RAN, pp. 418–427.

Titarenko, D. N., Penter, T. (Eds.). (2013). *Opyt natsistskoi okkupatsii v Donbasse: svidetel'stvuyut ochevidtsy* [The Experience of the Nazi Occupation in the Donbass: Eyewitnesses Testify]. Donetsk, Svit knigi. 465 p.

Ul'yanov, P. V. (2019). Obraz Bel'gii kak "zherty" v britanskoi propagande perioda Pervoi mirovoi voyny [The Image of Belgium as a "Victim" in British Propaganda during the First World War]. In *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2 (106), pp. 75–79. DOI 10.14258/izvasu(2019)2–13.

Zhigunov, D. V. (N. d.). Dnevnik [Diary]. In *Prozhito* [website]. URL: <https://prozhito.org/note/439015> (accessed: 03.05.2023).

The article was submitted on 24.05.2023